

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2817-2825. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2817
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Population of the Don and the Northern Caucasus at the end of the Imperial Period (1900–1910s): Wars and Other Factors of Geodemographic Dynamics

Sergey J. Suschiy ^{a, *}

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The following article examines the geodemographic dynamics of the population of the Don and the North Caucasus at the end of the imperial period. It determines the ratio of natural growth and migration, evaluates the influence of various factors on demographic processes, including wars prosecuted by Russia at that time. It is concluded that the southern regions (except Dagestan) were distinguished by increased natural population growth, which was supplemented by a large-scale migration inflow in the Kuban and Terek regions, as well as in the Black Sea governorate. As a result, the population of the entire macroregion grew at a rapid pace (from 7 to 10.17 million people in 1901–1904). The Russo-Japanese War and the Russian Revolution of 1905–1907 almost did not affect the demographic dynamics of the southern regions. The negative impact of the First World War was more perceptible. By 1917, the conscription into the field army reduced the size of the existing population of the macroregion by 1-1.2 million people (by 10-12 %). But at the same time, hundreds of thousands of refugees and prisoners of war settled within the Don and the North Caucasus. Irrecoverable and sanitary casualties of the mobilized regional contingent, even according to incomplete statistics, exceeded 340 000 people. However, until the beginning of 1917, the macroregion maintained a steady natural population growth, which more than enough compensated for the irrecoverable battlefield casualties of servicemen called into the army from the Don and the North Caucasus.

Keywords: Don and North Caucasus, demographic dynamics, natural reproduction, migration, World War I, irretrievable and sanitary losses.

1. Введение

Территория нижнего Дона закрепляется в составе Российского государства в середине XVIII века. На протяжении следующего столетия в границах империи одна за другой оказываются и провинции степного Предкавказья, а также горные районы, расположенные к северу от Большого Кавказского хребта. Этот процесс комплексно коррелировал с историей казачьей и крестьянской колонизации, что повышает интерес непосредственно к демографическим аспектам развития Дона и Северного Кавказа. В течение почти всего XIX в. данные территории отличал быстрый, почти линейный количественный рост населения, обусловленный в первую очередь масштабным миграционным притоком (*Войны и население, 2019: 269-277*). Но в самом конце имперского периода (1900–1910-е гг.) этот устойчивый тренд сменился более сложной и разнонаправленной динамикой, а естественно-воспроизводственные и миграционные процессы подверглись существенным изменениям, что делает необходимым их более детальный содержательный анализ.

2. Материалы и методы

Статья основана на разнообразных источниках информации. При анализе демографической и миграционной динамики населения Дона и Северного Кавказа использовались материалы

* Corresponding author

E-mail addresses: SS7707@mail.ru (S.J. Suschiy)

«Кавказских календарей», «Памятных книжек Области войска Донского»; результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1896 г., а также данные статистических сборников, относящихся к концу имперского периода.

При изучении собранной эмпирической информации применялись статистические методы обработки количественных данных, а также подходы и рабочие методики, принятые в демографических исследованиях. Собранные сведения и обработанные количественные данные систематизировались в виде таблиц и диаграмм. Метод системного анализа применялся в процессе комплексного обобщения разнообразного аналитического и статистического материала, относящегося к теме исследования.

3. Обсуждение

Демографическая и миграционная динамика Дона и регионов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. привлекала внимание многих исследователей (Волков, 1930; Кабузан, 1996; Ракачев, 2002; Цуциев, 2005). Также выделим работы, посвященные анализу участия Российской империи (и ее регионов) в Первой мировой войне (Головин, 1929; Россия в Мировой войне, 1925). Участие южнороссийских казаков в Первой мировой войне – масштабы призыва, география боевых действий, безвозвратные и санитарные потери – анализировались в работах Г.Л. Воскобойникова, Ф.С. Киреева, Н.В. Рыжковой, О.В. Ратушняка, В.П. Трута (Воскобойников, 2006; Киреев, 2016; Ратушняк, 2014; Рыжкова, Трут, 2013). Однако многие аспекты рассматриваемой проблематики нуждаются в более детальном изучении.

4. Результаты

В конце имперского периода территория Дона и Северного Кавказа находилась в составе 6 административных регионов (область Войска Донского, Кубанская и Терская области, Ставропольская и Черноморская губернии, Дагестан). Анализ динамики населения данных территорий в 1900–1910-е гг. позволяет выделить в пределах этого периода два основных этапа, различающихся спецификой демографических и миграционных процессов: 1901–1913 гг. и 1914–1916 гг.

1901–1913 годы

На протяжении большей части XIX в. Дон и степное Предкавказье входили в группу территорий империи с наиболее быстрым количественным ростом населения, обусловленным в первую очередь масштабным миграционным притоком. Если в 1811 г. в их пределах проживало около 415 тыс. чел. (1,0 % населения империи), то спустя четверть века (1835 г.) уже почти в 3 раза больше – 1,18 млн человек (2,0 %) (Войны и население, 2019: 279-280). А после завершения в 1864 г. Кавказской войны плодородные земли степного Предкавказья на несколько десятилетий превращаются в наиболее притягательный для крестьянской колонизации регион империи, несмотря на то, что значительная часть удобных для распашки земель принадлежала казачеству и основная масса мигрантов была вынуждена селиться в качестве наемных рабочих, батраков и арендаторов.

В последней трети XIX в. число жителей многих территорий юга выросло в 2,5–3,5 раза. Таким образом, масштабная переселенческая волна, совпав с постепенно возрастающим естественным приростом старожильческого населения, обернулась настоящим демографическим бумом. В целом за 65 лет (1835–1900 гг.) население Дона и Северного Кавказа увеличилось в 4,3 раза (с 1,64 млн до 7,0 млн чел.), притом, что население всей империи за этот же период увеличилось только в 2,2 раза.

Начало XX в. сохранило сложившиеся геодемографические тенденции в развитии южных территорий. К этому времени российская власть законодательно открыла для заселения ряд азиатских макрорегионов империи (Казахстан, Сибирь, Дальний Восток), тем самым скорректировав основные векторы крестьянской колонизации, которая отчасти переориентировалась с южного направления на восточное (Кабузан, 1996: 103-104). Способствовал сокращению переселенческого потока на Дон и Северный Кавказ и общий рост местного населения, его возросшая территориальная плотность. Но, несмотря на данные обстоятельства, южные регионы (прежде всего степное Предкавказье) в начале XX в. сохраняли привлекательность для новых переселенцев. Только за первую его пятилетку (1901–1905 гг.) миграция пополнила население Кубанской области на 80,7 тыс. чел., Терской области и Ставропольской губернии соответственно на 110,8 и 107,3 тысяч. На 22 тыс. (т.е. более чем на четверть) за счет переселенцев выросло число жителей Черноморской губернии (рассчитано по: Кабузан, 1996: 192-196).

Помимо переселенческого движения, нацеленного на укоренение в новых районах, существовала и активная трудовая миграция – отходничество, имевшее отчетливо выраженную сезонную форму. Только из области Войска Донского в начале XX вв. на отхожие промыслы в другие российские регионы ежегодно отправлялось порядка 15–20 тыс. местных жителей, а в нее на заработки стекалось 75–80 тыс. человек (Военно-статистическое описание, 1908: 303). Таким образом, миграционная динамика населения каждой территории представляла переменную величину, зависевшую как от времени года, так и множества конкретных социально-экономических факторов.

Большинство южных регионов к рубежу – началу XX в. выходит в число лидеров и по темпам естественного прироста. В первой половине 1900-х гг. на Кубани и в Ставрополье он в среднегодовом

исчислении поднимается до 25–25,5 %, чуть ниже был в области Войска Донского (24 %) (Таблица 1), составляя в целом по макрорегиону 21,4 % (почти на 5 % больше показателя Российской империи).

Таблица 1. Динамика коэффициента естественного прироста по регионам юга России, 1901–1916 гг. (%) (составлено по: Волков, 1930; Кабузан, 1996: 191; Памятная книжка, 1910)

Периоды	Области и губернии					
	Донская	Кубанская	Черноморская	Ставропольская	Терская	Дагестан
1901–1905	24,0	25,4	19,8	25,3	15,3	4,2
1906–1910	20,0	23,6	16,6	19,2	17,0	3,6
1911–1916	18,5	23,9	18,5	22,9	21,9	6,0

Существенными были и внутрирегиональные различия показателей естественного воспроизводства, с одной стороны, взаимосвязанные с природно-климатическими особенностями отдельных территорий, а с другой – коррелировавшие с урбанизированностью местного населения, уровнем его социокультурной модернизации и развитием социальной инфраструктуры (в т.ч. системы здравоохранения). В 1912 г. показатели рождаемости и смертности по отделам Кубанской области различались в 1,5 раза – рождаемость колебалась в диапазоне 42,6–58,1 %, смертность – 21,0–32,6 % (рассчитано по: Кавказский календарь на 1913, 1914: 164). Не менее существенно варьировали и естественно-воспроизводственные характеристики различных социально-сословных групп местного населения. В 1895–1904 гг. среднегодовой показатель рождаемости у казачьего населения Дона составлял 50 %, а у представителей невоинских сословий 63%; заметно различалась смертность (соответственно 28 % и 37 %), как и естественный прирост (22 % и 26 %) (Военно-статистическое описание, 1908: 304).

Таким образом, демографическая динамика не только целых регионов, но и отдельных их территорий определялась сложным сочетанием природных, социальных, этнодемографических и миграционных факторов. Как результат, различия в темпах роста населения оказывались весьма существенными. Но практически все территориальные сообщества Дона и Северного Кавказа в начале XX в. демонстрировали устойчивый демографический рост, который не был остановлен ни Русско-японской войной (1904–1905 гг.), ни революцией 1905–1907 гг. Участие военнослужащих из регионов юга России в Русско-японской войне было ограниченным. Даже казахи части в Маньчжурии были представлены в небольшом количестве. В общей сложности на Дальний Восток было перемещено 8 казачьих конных полков, 6 батальонов и 4 батареи (Войны и население, 2019: 395). Больше всего военнослужащих выставили Кубанское (8,6 тыс. чел.) и Донское (около 4 тыс. чел.) казачьи войска. Безвозвратные потери кубанцев составили 116 чел., а общие потери уроженцев южнороссийских территорий в данной военной кампании едва ли могли превысить 2–3 тыс. человек. Потери российской армии убитыми и пропавшими без вести составили 48,5 тыс. человек. Если убыль «южан» была соразмерна их доле в структуре населения империи, она могла составить 2,6–2,7 тыс. человек. Величина абсолютно нечувствительная для демографической динамики обширного макрорегиона.

Столь же незначительными оказались и демографические последствия масштабной волны социальной протестности, прокатившейся по империи в 1905–1907 гг. На Дону и Северном Кавказе она выразилась в резкой активизации стачечного движения, но только в отдельных случаях приобрела характер вооруженного сопротивления (Ростов-на-Дону, Новороссийск, Сочи, Минеральные Воды). Безвозвратные потери сил правопорядка и рабочих дружин в южных регионах не превысили нескольких десятков человек. Многочисленной оказалась число жертв еврейских погромов, вспыхнувших на фоне социального кризиса. В крупнейшем из них (Ростов-на-Дону, 3–7 декабря 1905 г.) погибло порядка 300 человек (Революция 1905–1907 гг.).

Тем не менее, общее число жертв, связанных с социально-политическим кризисом середины 1900-х гг. на Дону и Северном Кавказе, не превысило нескольких сотен человек – цифра, не сопоставимая ни с естественным приростом, составлявшим в этот период порядка 150 тыс. чел. в год, ни с миграцией (среднегодовое положительное сальдо 25–30 тыс. человек). Можно сказать, что демографическая динамика южного макрорегиона в своем устойчиво восходящем тренде данного кризиса почти не заметила. За 1900–1910 гг. население Дона и Северного Кавказа выросло на 28 %, достигнув 8,97 млн человек (Таблица 2).

Таблица 2. Динамика населения Дона и Северного Кавказа, 1900–1916 гг. (составлено и рассчитано по: Волков, 1930: 32; Кабузан, 1996: 192–196)

Регионы	Численность населения, тыс. чел.					Рост за период, %		
	1900	1905	1910	1913	1916	1900-1913	1913-1917	1900-1916
Область войска Донского	2544,2	2698,6	3154,8	3459,8	3600,8	36,0	4,1	41,5
Кубанская	1916,2	2248,2	2617,2	2941,4	3177,3	53,5	8,0	65,8
Черноморская	73,0	104,5	134,5	179,8	180,5	146,3	0,4	147,3
Ставропольская	935,4	1084,5	1243,2	1258,8	1246,3	34,6	-1,0	33,2
Терская	918,6	1025,3	1146,1	1235,2	1378	34,5	11,6	50,0
Дагестан	621,9	656,9	679,2	693,1	712,7	11,4	2,8	14,6
Всего (млн. чел.)	7,01	7,82	8,97	9,77	10,30	39,4	5,4	46,5

Максимальные темпы роста в первом десятилетии XX в. демонстрировали территории, входившие в состав Черноморской губернии, население которой увеличилось на 84,2 %. На 33–33,5 % выросло число жителей Кубани и Ставропольской губернии, на 24–24,8 % – Донской и Терской областей. Стремительный относительный рост населения приморских территорий объяснялся ощутимой недоселенностью данных территорий, возникшей после массового исхода в Османскую Порту местного горского населения. Даже ограниченный по абсолютной величине приток мигрантов (22 тыс. за 1901–1910 гг.) в Черноморскую область увеличил ее население на четверть. Повышенным демографическим динамизмом отличались и равнинные территории степного Предкавказья: плодородные сельскохозяйственные провинции российского юга, населенные преимущественно русским и украинским населением, привлекали основной поток переселенцев в первом десятилетии XX века. Существенно ниже были темпы демографического роста Дагестана и, в целом, районов с компактным проживанием северокавказских национальных сообществ. Горные территории не были привлекательны для мигрантов. А с другой стороны, местные территориальные сообщества, как правило, отставали по уровню развития социальной инфраструктуры, в т.ч. здравоохранения.

Начало второго десятилетия XX в. продолжило все перечисленные демографические тренды. За четыре предвоенных года (1911–1913 гг.) население Дона и Северного Кавказа выросло на 13,2 % (с 8,97 млн до 10,16 млн чел.). Лидером роста оставалась Черноморская губерния, число жителей которой увеличилось на 44 %. Но впечатляла и динамика двух ведущих регионов: население Донской и Кубанской области выросло на 16–16,5 %.

1914–1916-й годы

В отличие от Русско-японской войны Первая мировая оказала куда более существенное влияние на количественную динамику населения Дона и Северного Кавказа. Уже с первых недель после вступления империи в военную кампанию начинается массовая мобилизация в армию мужского населения. Но анализируя демографические процессы на юге России в военные годы, следует учитывать заметно упавшее качество учета населения империи, что было связано с резко усложнившейся структурой его механического движения (множественные волны мобилизации, безвозвратные и санитарные потери действующей армии, перемещение по территории страны собственных воинских контингентов и групп военнопленных; пульсирующие во времени, разнонаправленные потоки беженцев).

Отслеживать сколько-нибудь достоверно столь разнообразную циркуляцию населения региональные статистические бюро были не в состоянии, и уже с 1915 г. большинство из них прекратило заполнение административной статистики о естественном и механическом движении (Волков, 1930: 95–96). Для получения реальной картины в сфере естественной и миграционной динамики населения страны центральная власть провела в 1916 и 1917 гг. две переписи, результаты которых оказались несопоставимы. В 1916 г. в сельской местности учитывалось все наличное население, включая беженцев и военнопленных (при этом не были учтены ушедшие в армию), а в 1917 г. было учтено все местное население, как наличное, так и мобилизованное. И к тому же данная перепись охватила не все регионы страны (на Северном Кавказе она не проводилась).

Не менее сложной является и оценка военных потерь населения Дона и Северного Кавказа. Точной статистики безвозвратной и санитарной убыли военнослужащих из южных регионов на полях сражений Первой мировой не существует, а имеющиеся данные отличаются очевидной фрагментарностью и нередко существенно расходятся между собой. Даже статистика мобилизации, несмотря на достаточно хорошо организованную отчетность, не обходилась без существенных накладок и прямых ошибок (Трут, 2013). В такой ситуации зачастую следует стремиться не к определению точных величин, а наиболее вероятных диапазонов анализируемых демографических процессов и явлений.

За годы Первой мировой войны в армию было призвано порядка 100–125 тыс. донских казаков, 90–107 тыс. кубанцев, 18–19,3 тыс. терцев (Трут, 2013). Но не менее активно призывались в армию представители других сословий местного населения. Максимальной по своим масштабам была мобилизационная кампания 1915 г., когда с Дона и Северного Кавказа на службу ушло около 445 тыс. человек. А общий военный забор за 1914–1917 гг. составил 1,12 млн человек (Волков, 1930: 109). С учетом уже находившихся в армии к началу войны представителей южных регионов общая численность поставленных под ружье могла достигать 1,25–1,3 млн. чел., порядка 12–13 % всего местного населения. Основную массу мобилизованных составляли сельские жители, на которых приходилось порядка 76–77,5 % всех призванных в армию в годы с войны с Дона и Северного Кавказа. Но в первую очередь это было связано с низким уровнем урбанизации макрорегиона. По отношению ко всему его наличному населению показатели воинского призыва были существенно выше в городской местности. По оценке Е.З. Волкова, уже к началу 1915 г. в армии находилось 9,1 % всех горожан макрорегиона и 3,9 % его сельских жителей. К началу 1917 г. данные показатели выросли соответственно до 18,8 % и 10,8 % (Волков, 1930: 109).

Массовый уход в армию мужчин молодого и среднего возраста не мог не сказаться на динамике естественного воспроизводства местного населения. Но даже у казачьего сословия, мобилизация которого носила оперативный характер и приняла массовые формы, практически сразу после вступления России в войну данный фактор мог стать ощутимым только спустя $\frac{3}{4}$ года, т.е. не раньше конца весны 1915-го года. У других социальных групп южнороссийского населения уровень рождаемости начал заметно снижаться только в 1916 году.

Таким образом, первым на войну отреагировал показатель естественного прироста населения Дона и Кубани – двух ведущих казачьих регионов юга. В 1915 г. он составил в Кубанской области 15,9 % (на 9,5 % ниже, чем в 1913 году). В Терской области, Ставропольской и Черноморской губерниях такое сокращение составило только 3–3,5 %, а в Дагестане данный показатель даже вырос (Кабузан, 1996: 191). Сокращение естественного прироста происходило прежде всего вследствие снижения уровня рождаемости. На протяжении 1914–1916 гг. фронты располагались далеко за пределами Дона и Северного Кавказа и социально-экономическая жизнь местного гражданского населения, несмотря на экономические и бытовые сложности, связанные с военным временем, в целом сохраняла сложившиеся формы и практики. Избежали в эти годы южнороссийские регионы и массовых эпидемий или серьезных неурожаев, чреватых массовым голодом. Соответственно, достаточно устойчивыми оставались показатели смертности местного населения, которые могли прибавить всего несколько промилле в сравнении с довоенным временем.

Снижение рождаемости было ощутимей. Но следует учитывать, что мобилизация была растянута на весь военный период и удельный вес разделенных семей возрастал постепенно. К концу 1915 г. общее число мобилизованных с Дона и Северного Кавказа составляло около 476 тыс. человек – 4,5 % от всего населения макрорегиона или порядка 19–20 % мужчин трудоспособного возраста. Соответственно выключенными из активной репродуктивной практики могло оказаться около $\frac{1}{5}$ семей (Волков, 1930: 109). Соответственно на такую же величину в 1916 г. должен был сократиться по сравнению с довоенным периодом и показатель рождаемости населения. Учитывая, что в начале 1910-х гг. он почти во всех южных регионах составлял порядка 43–53 %, к концу войны его снижение могло как раз составить 9–10%, которые и сыграли центральную роль в ощутимом сокращении естественного прироста. Но даже в 1916 г. по всей территории макрорегиона, за исключением Дагестана, этот показатель составлял 8,7–10,9 % (Кабузан, 1996: 191), то есть население Дона и Северного Кавказа и в конце войны продолжало демонстрировать положительную естественную динамику (в 1916 г. она могла составить 80–90 тыс. человек).

Удаленное расположение фронтов в военные годы позволяло населению Дона и Северного Кавказа не опасаться оккупации. И южные регионы избежали массовой эвакуации населения. Более того, в силу тылового расположения область Войска Донского принимает вынужденных переселенцев из западных регионов империи (70–80 тыс. чел.), а степное Предкавказье – беженцев (преимущественно армян) из Османской Порты. Впрочем, общая численность тех и других на юге России оставалась достаточно ограниченной. К началу 1915 г. в пределах всего макрорегиона она составляла порядка 32,6 тыс. чел., увеличившись к 1916 г. до 126,4 тыс., а в начале 1917 г. достигнув 233 тыс., что составляло только 3,4 % от общей их численности по империи (Волков, 1930: 92).

Основная масса перемещенного населения (порядка 85 % от общей его численности) в 1915–1916 гг. разместились в сельской местности южных регионов. Но следует иметь в виду, что речь шла о весьма динамичной в пространственном отношении группе, способной быстро менять свою локацию в зависимости от положения на фронтах и общей ситуации в регионе временного проживания.

Другим источником роста наличного населения Дона и Северного Кавказа стало размещение в его пределах военнопленных. В общем объеме данного контингента по империи доля южных регионов на всем протяжении войны оставалась ограниченной (8,7–8,9 %), но в абсолютных цифрах речь шла о постепенно возрастающем множестве, в начале 2015 г. составлявшем 18,4 тыс. человек, а в середине 1917 г. – уже более 190 тысяч (Волков, 1930: 92).

Заметно изменились в годы войны и масштабы гражданской (переселенческой и трудовой) миграции населения. Война, оказывая сложное воздействие на динамику переселенческого потока, в целом тормозила его. Приток мигрантов в большинство южных регионов из центральных регионов России и Малороссии сократился. Если за 1911–1913 гг. население Кубанской области выросло за счет переселенцев на 152,4 тыс. человек, то в 1914–1916 гг. на 17,2 тысячи. Снизился приток переселенцев и на Дон, а из Ставропольской губернии был зафиксирован ощутимый отток населения: за 1914–1915 гг. он составил 82 тыс. человек. Иной была ситуация в Терской области, по-прежнему привлекавшей значительное число мигрантов (приток 58,4 тыс. человек за 1914–1915 годы) (Кабузан, 1996: 192-194).

Предельно сложной задачей является оценка размеров потерь военнослужащих, призванных в действующую армию с Дона и Северного Кавказа. Достаточно детально историками изучены только потери казачьих подразделений, в т.ч. двух ведущих казачьих войск – Донского и Кубанского. За годы Первой мировой войны донские казаки потеряли убитыми 3,63 тыс. чел.; 12,7 тыс. было ранено и контужено, пропало без вести 2,5 тыс. казаков, оказалось в плену 164 человека (Рыжкова, 2003: 223). Сопоставимыми были потери кубанцев – около 4 тыс. убитых; 23,9 тыс. раненых, более 2,5 тыс. пропавших без вести и попавших в плен (Ратушняк, 2014: 125). Безвозвратные потери Терского казачества в силу его ограниченных размеров были значительно меньше – около 1 тыс. погибших, умерших от ран и болезней (Киреев, 2016: 80).

Таким образом, безвозвратные потери всего южнороссийского казачества (с учетом пропавших без вести) составили порядка 13,5 тыс. человек. Однако общие потери уроженцев Дона и Северного Кавказа на фронтах Первой мировой были значительно больше. Не имея по ним полной статистики, в качестве одного из источников можно использовать данные, собранные на информационном портале «Первая мировая война» (Первая мировая война, 1914–1918), согласно которому общие безвозвратные потери военнослужащих шести южных регионов составили почти 36 тыс., санитарные – около 280 тыс. человек. Максимальную убыль понесли уроженцы области Войска Донского и Кубанской области, на которые в сумме пришлось порядка 60 % убитых, пропавших без вести, раненых и заболевших военнослужащих южного макрорегиона. Таким образом, общие потери мобилизованного контингента Дона и Северного Кавказа в Первой мировой войне составили более 340 тыс. человек (Таблица 3).

Таблица 3. Масштабы мобилизации и боевые потери населения юга России в Первой мировой войне (по регионам) (рассчитано по: Первая мировая, 1914–1918; Россия в мировой войне, 1925: 49).

Губернии и области	Число призванных (тыс. чел.)	Призванные (ко всему населению), %	Безвозвратные потери (чел.)	Санитарные потери (тыс. чел.)	Другие потери и не уточнено (тыс. чел.)	Общие потери (тыс. чел.)	Потери (% от числа призванных)
Область войска Донского	325,9	8,4	17,52	108,2	11,7	137,4	42,2
Кубанская	174,2	5,8	3,96	67,0	7,17	78,13	44,9
Ставропольская	164,8	12,4	6,59	47,9	4,35	58,84	35,7
Терская	184,2	14,6	7,37*	53,5*	4,86*	65,7*	35,7
Черноморская	13,7	9,0	0,29	1,06	0,21	1,56	11,4
Дагестан	15,1	2,1	0,16	2,16	0,3	2,62	17,4
Всего	877,9	52,3	35,9	279,8	28,6	344,3	39,2

* рассчитано по аналогии с удельными показателями Ставропольской губернии.

Очевидно, что и это далеко не полные данные. Тем не менее, можно сделать вывод, что военная убыль сама по себе не могла стать причиной демографической депопуляции Дона и Северного Кавказа. За 1914–1916 гг. естественный прирост населения макрорегиона составил порядка 430–440 тыс. чел., что в любом случае многократно превышало безвозвратные военные потери, понесенные в эти годы. Депопуляция большинства южных территориальных сообществ началась только в 1918 г. и была связана с Гражданской войной, которая резко увеличила количественные потери среди местных комбатантов и существенно ухудшила показатели естественного воспроизводства гражданского населения Дона и Северного Кавказа.

5. Заключение

В начале XX в. Дон и Северный Кавказ (прежде всего его равнинные районы) сохранили опережающие темпы демографического роста, характерные для них в большей части XIX века. Высокий естественный прирост сочетался с активным притоком новых переселенцев. Большинство южных регионов оставалось в числе привлекательных территорий для мигрантов из центральной России и губерний Малороссии. За 1901–1914 гг. приток позволил увеличить население макрорегиона на 1,0 млн человек. Но основная часть переселенцев (810 тыс. чел.) пришлось на два региона – Кубанскую и Терскую области. Ведущую роль в быстром количественном росте населения миграция играла и в Черноморской губернии. Население Дона, Ставропольской губернии и Дагестана росло преимущественно за счет естественного воспроизводства.

Социально-политический и экономический кризис середины 1900-х гг. практически не сказался на высоких темпах демографического роста Дона и Северного Кавказа. Вплоть до 1913–1914 гг. население южных регионов, за исключением Дагестана (в отдельные годы и Ставропольской губернии), ежегодно увеличивалось на 2,5–11 %. В целом, число жителей макрорегиона за 1900–1914 гг. выросло с 7,0 до 10,17 млн чел (на 45,3%), позволив ему увеличить свою долю в демографическом потенциале империи с 5,3 % до 6 %.

Только вступление России в Первую мировую войну и массовая мобилизация мужчин в действующую армию стали причиной постепенного снижения уровня рождаемости населения южных регионов, а следом и сокращения естественного прироста. Но даже в 1916 г. он оставался положительным, увеличив население макрорегиона на 90–100 тыс. человек.

Призыв в действующую армию сократил размеры наличного населения макрорегиона к 1917 г. на 1–1,2 млн человек (примерно на 10–12 %). Но параллельно в пределах Дона и Северного Кавказа разместились сотни тысяч беженцев и военнопленных, что несколько увеличивало численность наличного населения макрорегиона, оказав при этом влияние на его национальную структуру и географию. Общие потери призванных в армию из южных регионов оказались самыми значительными (по неполной статистике – более 340 тыс. чел.). Однако масштабы безвозвратной утраты были существенно меньше (несколько десятков тыс. человек) и не могли стать причиной демографической депопуляции Дона и Северного Кавказа, которая началась только в 1918 г. и была связана с развернувшейся в стране Гражданской войной.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

Литература

- Военно-статистическое описание... 1908** – Военно-статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск: Обл. Д. типография, 1908. 565 с.
- Войны и население... 2019** – Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. Демографические процессы и последствия. М: Росспэн. 2019. 766 с.
- Волков, 1930** – Волков Е.З. Динамика населения СССР за 80 лет. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 273 с.
- Воскобойников, 1994** – Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914–1918 гг. М.: Изд-во Российской киноvideокомпании, 1994. 174 с.
- Головин, 1930** – Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939 (т. 1). 236 с.
- Кабузан, 1996** – Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этностатистическое исследование. СПб.: Блиц, 1996. 224 с.
- Кавказский календарь на 1900 год... 1899** – Кавказский календарь на 1900 год. Тифлис: Типография главного управления Закавказским краем. 1899.
- Кавказский календарь на 1914 год** – Кавказский календарь на 1914 год. Тифлис: Типография главного управления Закавказским краем. 1913, 977 с.
- Киреев, 2016** – Киреев Ф.С. Боевая слава терцев. Терские казачьи части на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. Владикавказ: Ир. 2016. 159 с.
- Памятная книжка Области... 1910** – Памятная книжка Области войска Донского на 1910 год. Новочеркасск: Типография Болдырева. 1910. 622 с.
- Памятная книжка Области... 1914** – Памятная книжка Области войска Донского на 1914 год. Новочеркасск: Типография Болдырева. 1914. 813 с.
- Первая мировая 1914–1918** – Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place_gubernia (дата посещения: 08.09.2020).
- Ракачев, 2002** – Ракачев В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани в XX в. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. 99 с.
- Ратушняк, 2014** – Ратушняк О.В. Участие кубанцев в Первой мировой войне // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 123-128.

- [Революция 1905–1907 годов](#) – Революция 1905–1907 годов на Дону и Северном Кавказе. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/151839/>
- [Россия в Мировой войне...1925](#) – Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: ЦСУ, 1925. 105 с.
- [Рыжкова, 2003](#) – *Рыжкова Н.В.* Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. 319 с.
- [Статистический ежегодник... 1916](#) – Статистический ежегодник России, 1916. Выпуск 1. М., 1918. 121 с.
- [Трут, 2013](#) – *Трут В.П.* О численности казаков в русской армии в период первой мировой войны. [Электронный ресурс]. URL: https://dikoe-pole.com/2013/02/04/trut_chislennost_kazakov/ (дата посещения – 18.09.2020).
- [Цуциев, 2006](#) – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

References

- [Golovin, 1930](#) – *Golovin, N.N.* (1930). Voennye usiliya Rossii v Mirovoj vojne [Military efforts of Russia in the World War]. Parizh: Tovarishestvo ob"edinennykh izdatelej, T. 1. 236 p. [in Russian]
- [Kabuzan, 1996](#) – *Kabuzan, V.M.* (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah: Etnostatisticheskoe issledovanie [Population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries: Ethno-statistical research]. SPb.: Blic, 224 p. [in Russian]
- [Kavkazskij kalendar' na 1900 god](#) – Kavkazskij kalendar' na 1900 god [Caucasian calendar for 1900]. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Zakavkazskim kraem. 1899. [in Russian]
- [Kavkazskij kalendar' na 1914 god](#) – Kavkazskij kalendar' na 1914 god [Caucasian calendar for 1914]. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Zakavkazskim kraem. 1914. 977 p. [in Russian]
- [Kireev, 2016](#) – *Kireev, F.S.* (2016). Boevaya slava tercev. Terskie kazach'i chasti na frontah Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg. [Fighting glory of the Tertsy. Terek Cossack units on the fronts of the First World War 1914-1918]. Vladikavkaz: Ir. 159 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Oblasti... 1910](#) – Pamyatnaya knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1910 god. [Commemorative book of the Region of the Don army for 1910]. Novocherkassk, 1910, Tipografiya Boldyreva. 622 p. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka Oblasti... 1914](#) – Pamyatnaya knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1914 god. [Commemorative book of the Region of the Don army for 1914]. Novocherkassk, 1914, Tipografiya Boldyreva. 813 p. [in Russian]
- [Pervaya mirovaya, 1914–1918](#) – Pervaya mirovaya 1914-1918 – Informacionnyj portal. [World War I 1914-1918 – Information portal]. [Electronic resource]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place_gubernia (date of access: 08.09.2020). [in Russian]
- [Rakachev, 2002](#) – *Rakachev, V.N.* (2002). Etnodemograficheskie processy na Kubani v XX v. [Ethno-demographic processes in the Kuban in the XX century]. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 99 p. [in Russian]
- [Ratushnyak, 2014](#) – *Ratushnyak, O.V.* (2014). Uchastie kubancev v Pervoj mirovoj vojne [Participation of the Kuban people in the First World War]. *Kazaki i gorcy v gody Pervoj mirovoj vojny*. Rostov-na-Donu: SSC RAN. Pp. 123-128. [in Russian]
- [Revolyuciya 1905-1907 godov](#) – Revoluciya 1905-1907 godov na Donu i Severnom Kavkaze [Revolution of 1905-1907 in the Don and North Caucasus]. [Electronic resource]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/151839/> (date of access: 18.09.2020). [in Russian]
- [Rossiya v Mirovoj vojne, 1925](#) – Rossiya v Mirovoj vojne 1914-1918 gg. [Russia in the World War 1914-1918]. М.: ЦСУ. 1925, 105 p. [in Russian]
- [Ryzhkova, 2003](#) – *Ryzhkova, N.V.* (2003). Donskie kazaki v vojnah Rossii nachala XX veka [Don Cossacks in the wars of Russia at the beginning of the twentieth century]. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU. 319 p. [in Russian]
- [Statisticheskij ezhegodnik, 1916](#) – Statisticheskij ezhegodnik Rossii, 1916 [Statistical Yearbook of Russia, 1916]. Vypusk 1. М., 1918. 121 p. [in Russian]
- [Trut, 2013](#) – *Trut, V.P.* (2013). O chislennosti kazakov v russkoj armii v period pervoj mirovoj vojny. [On the number of Cossacks in the Russian army during the First World War]. [Electronic resource]. URL: https://dikoe-pole.com/2013/02/04/trut_chislennost_kazakov/ (date of access: 18.09.2020). [in Russian]
- [Tsutsiev, 2006](#) – *Tsutsiev, A.A.* (2006). Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774-2004) [Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774-2004)]. М.: Европа. 128 p. [in Russian]
- [Voenno-statisticheskoe opisanie... 1908](#) – Voenno-statisticheskoe opisanie Oblasti vojska Donskogo [Military statistical description Of the Don army region]. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. tipografiya, 1908. 565 p. [in Russian]
- [Vojny i naselenie... 2019](#) – Vojny i naselenie Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v. Demograficheskie processy i posledstviya. [Wars and population of the South of Russia in the 18th – early 21st centuries. Demographic processes and consequences]. Rostov-na-Donu: Rosspen. 2019. 766 p. [in Russian]

Volkov, 1930 – *Volkov, E.Z.* (1930). Dinamika naseleniya SSSR za 80 let [Population dynamics of the USSR for 80 years]. M.-L.: Gos. izd-vo, 273 p. [in Russian]

Voskobochnikov, 1994 – *Voskobochnikov, G.L.* (1994). Kazachestvo v pervoj mirovoj vojne 1914-1918 g. [Cossacks in the First World War 1914-1918]. M.: Izd-vo Rossijskoj kinovideokompanii, 174 p. [in Russian]

Население Дона и Северного Кавказа в конце имперского периода (1900–1910-е гг.): войны и другие факторы геодемографической динамики

Сергей Яковлевич Суцкий ^{a, *}

^a Южный научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется геодемографическая динамика населения Дона и Северного Кавказа в начале XX века. Определяется соотношение естественного прироста и миграционного движения, оценивается влияние на демографические процессы различных факторов, в т.ч. войн, которые в это время вела Россия. Делается вывод, что южные регионы (за исключением Дагестана) отличал повышенный естественный прирост населения, который в Кубанской и Терской областях, а также в Черноморской губернии дополнялся масштабным миграционным притоком. Как результат, население всего макрорегиона росло быстрым темпом (с 7 до 10,17 млн человек за 1901–1914 гг.), что позволило Дону и Северному Кавказу увеличить свою долю в демографическом потенциале империи с 5,3 до 6 %. Русско-японская война и революция 1905–1907 г. практически не отразились на демографической динамике южных территорий. Более ощутимым было негативное воздействие Первой мировой войны. Призыв в действующую армию сократил к 1917 г. размеры наличного населения макрорегиона на 1–1,2 млн человек (на 10–12 %). Но одновременно с этим в пределах Дона и Северного Кавказа разместились сотни тысяч беженцев и военнопленных. Безвозвратные и санитарные потери мобилизованного регионального контингента даже по неполной статистике превысили 340 тыс. человек. Но вплоть до начала 1917 г. в макрорегионе сохранялся естественный рост населения, который с избытком компенсировал безвозвратную убыль на фронтах военнослужащих, призванных в армию с Дона и Северного Кавказа.

Ключевые слова: Дон и Северный Кавказ, демографическая динамика, естественное воспроизводство, миграция, Первая мировая война, безвозвратные и санитарные потери.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: SS7707@mail.ru (С.Я. Суцкий)